

Научная статья
УДК 94(57)
doi: 10.17223/19988613/81/6

Проблема собственности на землю в ментальных установках сибирского крестьянства во второй половине XIX в.

Максим Владимирович Семиколонов

*Новокузнецкий филиал Кузбасского государственного технического университета им. Т.Ф. Горбачева,
Новокузнецк, Россия, semikolenov.maksim@yandex.ru*

Аннотация. Поднимается проблема собственности крестьян на землю, анализируются особенности мировоззрения крестьянства, закон от 19 февраля 1861 г, указ от 24 ноября 1866 г. Взгляды крестьян на собственность на землю объяснялись нормами обычного права, которые отличались от установок государственных чиновников по данному вопросу. Право собственности включает в себя владение, пользование, распоряжение. Крестьяне лишь пользовались землей. В Сибири изучаемая проблема обострялась незавершенностью землеустроительных работ, природно-климатическим фактором, возрастанием переселений.

Ключевые слова: менталитет, крестьянство, община, собственность, земля

Для цитирования: Семиколонов М.В. Проблема собственности на землю в ментальных установках сибирского крестьянства во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 53–60. doi: 10.17223/19988613/81/6

Original article

The problem of land ownership in the attitudes of mind Siberian peasantry in the second half of the 19th century

Maksim V. Semikolenov

*Kuzbass State Technical University T.F. Gorbacheva. Branch in Novokuznetsk,
Novokuznetsk, Russian Federation, semikolenov.maksim@yandex.ru*

Abstract. In this article, the author reviews the problem of land ownership in Siberia in the **views** of peasants in the second half of the XIX century. The purpose of the study is to determine the mental settings on the issue of ownership of land by peasants. The sources of the research are periodicals, namely, "Siberian newspaper", the magazine "Russian conversation", which reflects the views of the peasants on this issue. To study the regulatory framework the study uses the Complete collection of laws of the Russian Empire (vol. 36, vol. 41), which published the laws of February 19, 1861, and of November 24, 1866, which define the land right of peasants. The literature for the article are the works of M. K. Churkin, M. V. Dorofeev, V. N. Khudyakov, A. A. Khramkov and others who made a huge contribution to the study of this problem.

In the views of peasants, the land belonged to the entire society, and the one who cultivate it has a right to it. The norms of customary law were deeply ingrained in the minds of peasants and have become fundamental in their lives. The state's lack of seriousness with regard to legal customs led to controversy, as the law was different for peasants. The reform carried out in 1861 did not grant land ownership to the peasants. The right of ownership was left to the State, the right of disposal was given to the community, and the right to use remained with the peasants. The decree of November 24, 1866, which extended to the peasants of European Russia, could not be implemented in Siberia, since the land was not demarcated. Land arrangement works had been carried out carelessly for a long time and did not lead to significant results. The inflow of immigrants caused by shortage of land as a result of the reform of February 19, 1861, led to establishing of special forms of land use in Siberia. For a long time, the dominant form after the 'zaimochnaya' was the capture form, based on the fact that the peasant owned the land as long as it was cultivated, and if he abandoned it, anyone could take it. The concepts of legal ownership of land and actual ownership of land were identified in the minds of peasants. As long as there was a lot of land, there was an uncontrolled disposal of it in Siberia. With the inflow of migrants, the situation was changing, and the process of transition to community-based equalization of land ownership was long and uneven.

Thus, the worldview of the peasants on the issue of land ownership was based on the norms of customary law, which did not correspond to the government's course and led to a huge gulf between them. It is worth noting that the issue of extending the decree of November 24, 1866 to the territory of Siberia was the subject of the work of the Commission of Baron M. N. Medem, which considered the possibility of its implementation. However, it was necessary to carry out

land arrangement works immediately, as the boundaries of the actual ownership of the peasants in many ways did not coincide with the plans issued to the peasants for their allotment. The reluctance of government officials to take into account the views of peasants in this matter and to undertake the necessary reforms led to the definitive establishment of land ownership by the State under the Act of May 23, 1896.

Keywords: attitude of mind, peasants, community, ownership, land

For citation: Semikolenov, M.V. (2023) The problem of land ownership in the attitudes of mind Siberian peasantry in the second half of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 81. pp. 53–60. doi: 10.17223/19988613/81/6

Проведенная в 1861 г. реформа по отмене крепостного права предоставила крестьянам личную свободу, но вместе с тем вызвала проблемы, связанные с малоземельем, так как основная часть земли находилась в собственности помещиков. Однако взгляды крестьян на данный вопрос существенно отличались от мнения государства и были обусловлены существовавшими обычаями в крестьянской среде. Нами будет изучен менталитет данного сословия.

Под ментальностью мы понимаем социально-психологические стереотипы, автоматизмы и привычки сознания, заложенные воспитанием и культурными традициями, ценностные ориентации, значимые представления и взгляды, принадлежащие не отдельным личностям, а той или иной социально-культурной общности, в данном случае – тому или иному сословию или социальной группе. Ментальность крестьянства – это общинная ментальность, сформированная в рамках замкнутого локального сообщества, в сельской соседской организации. В ментальности крестьян находят отражение их потребности, интересы и идеалы, проявляются социальные чувства и настроения. Она представляет собой выражение группового сознания в историческом времени и географическом пространстве. Традиционное сознание – это совокупность осознаваемых и неосознаваемых представлений, исторически сложившихся под влиянием системных природных и социокультурных факторов, проявляющихся в стереотипах поведения и влияющих на образ жизни и культуру социума.

Община была основой всей жизни русского крестьянства. Ее основы лежали в самом духе русского народа, в складе его ума, который не понимал жизни вне общины. У подавляющей массы населения всегда были живучи традиции коллективизма и взаимопомощи, хотя у любого крестьянина одновременно никогда не исчезала и естественная тяга к личному, частному способу ведения хозяйства. В крестьянской психологии в России во все времена идея принадлежности земли Богу, а стало быть, обществу в целом, была ведущей основной идеей. Она составляет одну из главных особенностей характера русского народа [1. С. 571].

Пока земли и угодий было много, в крестьянской общине переделы не производились. Существенные черты общинного владения землей заключались в равном наделе общиной всех ее членов и переделе земель для уничтожения возникшего неравенства, в отсутствии права свободного распоряжения как отдельными участками, так и всей общинной землей. Земля, как и власть, была свободой от голода и опасностей, но также поводом для уважения в деревне. Постоянный земельный

голод значительной части крестьян заставлял их искать всевозможные источники расширения площади своего землевладения.

Раздел земли носил ярко выраженный трудовой характер. Земля принадлежит только тому, кто может ее обработать [2. С. 47]. Представление о законе, существовавшее в крестьянской среде, отличалось от официального уже тем, что крестьяне отказывались признавать законными те положения, которые противоречили их интересам и взглядам. Любые действия властей они старались истолковать в свою пользу. Крестьяне вносили свое понимание права в практику поземельных отношений, складывавшихся между собственником земли (государством) и ее держателями. В отличие от правительственных чиновников, следивших за соблюдением прав государства, они считали возделанный участок «природной своей землей», наследник которой имеет право «владеть вечно и на сторону продать и заложить и во всякие крепости укрепить» [3. С. 13]. Обычное право, выработанное народом под влиянием тех или иных жизненных бытовых условий, включает в себе общепризнанные юридические воззрения народа и осуществляется фактически путем единообразного соблюдения в течение более или менее продолжительного времени.

С XVIII в. единственным официальным источником права был объявлен закон. Постепенно представители чиновничьей, а затем и научной элиты приходили к мысли о необходимости не просто изучать, но и применять в законодательстве результаты исследований народного быта и обычаев. Обычное право определялось в это время как «бытовая форма права», которая не зависит от закона в силу общего убеждения в ее необходимости и обязательности. Считалось, что обычное право, выработанное народом под влиянием тех или других жизненных бытовых условий, включает в себе общепризнанные юридические воззрения народа и осуществляется фактически путем единообразного соблюдения в течение более или менее продолжительного времени. Оживленная дискуссия, посвященная обычному праву, велась на I съезде русских юристов в Москве в 1875 г. Предметом спора были как сам факт существования в России обычного права, так и проблема законодательного признания за юридическим обычаем силы действующей правовой нормы. Исследователи должны были решить, соответствует ли обычное право по своему характеру современным условиям жизни сельских обывателей, не помешает ли оно им приобщаться к правовой жизни «культурных народов». К сожалению, обычное право не расценивалось должным образом как источник законодательства.

В ходе дискуссий было определено несколько базисных установок, которые применялись в отношении проблемы собственности: во-первых, крестьянское понимание собственности основывалось на трудовом принципе; во-вторых, крестьяне не были вовлечены в систему государственного гражданского права. Принцип частной собственности на землю «входил в сознание русского крестьянина вначале как покушение со стороны помещика на его древнейшее право, проистекавшее из связи земледельца с обрабатываемой землей». На практике неизбежно возникали противоречия между нормой закона и нормой обычного права [4. С. 109].

Специалист по сельскому хозяйству и земельным отношениям, крупный чиновник империи князь Б.А. Васильчиков писал: «Нигде понятие поземельной собственности не было так смутно и шатко, как у нас, не только в сознании народа, но и у правительства. В России с древних времен очень твердо было понимание владения в смысле держания, занятия, пользования землей, но выражение “собственность” едва ли существовало. В летописях и грамотах, как и в современном языке крестьянства, не встречается выражения, соответствующего этому слову» [5. С. 31].

Ценность земледельческого труда осознавалась как психологическая потребность, условие нравственного оправдания своего благосостояния. Крестьяне считали землю своей собственностью на основании вложенного в нее труда. Пословица «Не тот хозяин земли, кто по ней бродит, а кто по ней сохой ходит» обуславливает право обладания землей трудом на ней. Труд земледельца признавался наиболее значимым и почетным. Наряду с членством в общине он служил определителем принадлежности к корпоративному сообществу крестьян. Важнейшим условием зачисления переселенца в состав общины служил отзыв о его трудолюбии и нравственном поведении. Если в качестве главной добродетели в традиционной ценностной системе крестьянства рассматривалось трудолюбие, то наиболее тяжкими пороками считались лень, лодырничество, безделье.

В неразрывной связи с понятием собственности находились представления о свободе. Для человека традиционного общества, интегрированного в природу, находящегося в условиях ограниченного выбора путей развития, быть свободным означало принадлежать роду, «миру», быть «своим», не попасть в зависимость от чужаков и принятых ими законов жизни.

Центральное место в картине мира русского крестьянина занимали земля как признак сословной принадлежности и община. Власть земли и «мира» выражалась в народном фольклоре, указывающем на приоритетное значение этих категорий в жизни крестьянина: «Земля-тарелка: что положишь, то и возьмешь», «Господь повелел от земли кормиться», «Что мир порядил, то Бог рассудил» [6. С. 140]. Как для общины, так и для крестьянина не существовало отдельно понятий юридической собственности на землю и фактического владения землей: они отождествлялись.

Надел, предоставленный крестьянину, по реформе 1861 г. не мог стать его собственностью. Крестьянин не мог свободно им распоряжаться, так как это делали

представители других сословий со своей собственностью. После отмены крепостного права в 1861 г. земля была дана в распоряжение не отдельным крестьянам, а общинам. Реформа, ограничившись лишь личным освобождением крестьян, не определила точно их отношение к земле, что, конечно, было делом сложным и требовавшим больших затрат.

Общинное владение не являлось частной собственностью. Прежде всего, земля стала частной собственностью дворян. Отмена крепостного права не решила главный – аграрный – вопрос и преодоление крестьянского малоземелья. В русском крестьянском сознании всегда была жива память о владении землей и праве ею безраздельно распоряжаться. Право владения землей оставалось за государством, право распоряжения – за общиной, право пользования – за крестьянином.

Однако закон от 19 февраля 1861 г. предусматривал введение частной собственности на крестьянские земли. В главе II «О правах по имуществу» в «Высочайше утвержденном общем положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» говорилось, что «крестьянам оставляется их усадебная оседлость, впредь до приобретения ими оной в собственность, на правилах, определенных в Положении о выкупе крестьянами усадебной оседлости и о содействии Правительства к приобретению ими в собственность полевых угодий» [7. С. 146]. Крестьянам предоставлялось право выкупить землю у помещика. При заключении выкупных сделок на основе добровольного соглашения с крестьянами помещик имел право требовать дополнительный платеж, который вносился в рассрочку от одного года до 49 лет. Земли, приобретенные в собственность, передавались общине, а она по своему усмотрению распоряжалась ими. Она могла разделить земли между крестьянами и предоставить каждому участок в частную собственность либо оставить земли в общем владении. Каждый член сельского общества мог потребовать, чтобы из состава земли, приобретенной в общественную собственность, ему был выделен в частную собственность участок, соразмерный с долей его участия в приобретении земли.

24 ноября 1866 г. был подписан указ «О поземельном устройстве государственных крестьян в 36 губерниях». В указе обращается внимание на то, что «признав возможным приступить к окончательному устройству хозяйственного быта государственных крестьян, необходимо расширить их права по владению и распоряжению предоставленными им в надел от казны землями» [8. С. 280]. Государственным крестьянам были предоставлены во владение – на правах крестьян-собственников – все состоявшие в их пользовании земли, кроме лесов, из платежа установленной оброчной подати. Принцип владения землей, провозглашенный в законе, в действительности означал наделение государственных крестьян землей почти на тех же условиях, что и временнообязанных. Однако осуществление права приобретения земли в собственность было на деле весьма затруднительным, так как п. 13 указа предусматривал единовременное внесение капитализированной оброчной подати в сумме не менее 100 руб., что было возможно «далеко не для всех

представителей даже кулацко-зажиточной части казенной деревни» [9. С. 113]. В Сибирской газете отмечалось, что временнообязанные крестьяне будут освобождены от своих настоящих отношений к помещикам и при содействии казны обращены в крестьян-собственников к 1 января 1883 г. Помещикам будет уплачена правительством выкупная ссуда за землю, которая должна отойти к крестьянам, обязанным погасить уплаченные за них казною деньги в течение 9 лет начиная с 1883 г. [10. С. 114].

Указ от 24 ноября 1866 г. на территорию Сибири не распространялся, так как межевые работы нельзя было считать удовлетворительными, и земля не была приведена в известность. Б.П. Мансуров, говоря о введении крестьянской собственности, заявлял, что право собственности есть основание всего священного в государстве. Он защищал тезис, что сибирские крестьяне имеют право получить землю в собственность. Отказав крестьянам в этом, надо признать, что все население Сибири совершенно бесправно, и можно устанавливать для него какие угодно права, но ведь там есть старожилы, которые живут на том же месте несколько десятков лет. У них тоже есть права, они государственные крестьяне, и нельзя свести их права к нулю [11. С. 95].

Право собственности в Сибири обуславливалось сложившимися здесь формами землепользования. Первой формой землепользования, известной в Сибири, была заимочная. Заимщик считался хозяином занятого участка независимо от того, обрабатывал ли он его целиком или только частично. Размеры заимок были различны: у бедных крестьян не превышали 3–5 десятин, у зажиточных составляли 60–100 десятин посева. А.А. Кауфман отмечает, что право заимщика на неограниченное пользование землей разумеется само собой: он может засеять любую часть своей земли, косить ее, застраивать или оставить без всякой обработки, руководствуясь собственными хозяйственными соображениями. В силу принадлежащего ему права распоряжения землей он может, не спрашивая никого, продавать и сдавать ее в аренду, дарить, передавать по наследству [12. С. 53]. Для подтверждения факта закрепления участка владельцу достаточно было пропахать 1–2 борозды. Если переселенец предполагал здесь основаться на постоянное место жительства, на территории заимки, получавшей с этого момента статус постоянного населенного пункта, он возводил жилые и хозяйственные постройки, расчищал место под пашню и сенокосы. Нередко сезонные заимки заводили зажиточные крестьяне, уже имевшие земельные наделы. В поземельной практике крестьян заимочное владение соотносилось с юридически оформленным *правом частной собственности*, но только до тех пор, пока сельская община и основное население волости, на территории которой находилась заимка, не начинали претендовать на эти земли по причине естественного прироста населения или малоземелья [13. С. 74].

Пока земли было много, а процент ее использования ничтожен, обязательного и уравнительного наделения участками не проводилось [14. С. 235]. При этом трудовое начало понималось весьма широко, и всякий,

вложивший свой труд, *приобретал право владения землей*; однако когда земли становилось мало, крестьяне вспоминали, что труд, затраченный на расчистку пахотной или сенокосной земли, вознаграждается урожаем хлеба, после чего расчищавший теряет право ссылаться на трудовой принцип.

Изобилие угодий, отсутствие фактической собственности на землю исключали возможность вмешиваться в распоряжение ею. Н.М. Ядринцев писал: «...на вопрос иногда земского чиновника, по какому праву переселенцы заняли ту или другую землю, они отвечали просто: “А что, тебе жаль ее! Вон ее сколько кругом! Земли много кругом, бери всякой, сколько нужно”» [15. С. 117]. При многоземелье ценилась не сама земля, а вложенный в нее труд. С.П. Швецов, наблюдавший случаи отчуждения земли в Тюкалинском округе, писал, что крестьянин не скажет «купить землю», а всегда более определенно – купить «пашню», «купить лес» (взращенный) [16. С. 48]. Точно так же и в случае аренды земли крестьяне считали, что сдается не земля, а «пахоть», «работа», т.е. затраченный на распашку целины труд. Главный признак общинного пользования – раздел земли – при многоземелье представлялся совершенно ненужным, бессмысленным, не имеющим никакого смысла. Недаром поговорка гласила: «Землю делить – только людей дивить» [17. С. 2].

Преобладающей формой землепользования, после заимочного, было вольнозахватное пользование землями. Отличие этой формы от заимочной состояло в том, что здесь уже не было права на образование заимок. Каждый крестьянин захватывал по своему усмотрению участок и владел им до тех пор, пока обрабатывал его, а если бросал, то земля становилась «вольной» и ее мог занять любой желающий [18. С. 6]. Крестьяне имели право сохранять землю лишь до тех пор, пока ее обрабатывали. Вот один из примеров практики земельных отношений: «Крестьянин В. жаловался суду на захват разработанной им земли в количестве 2 десятин, из коих захвативший ее М. уже распашал под посев 1/4 десятины. Оекский волостной суд определил землю возвратить ее владельцу, трудившемуся над ее разработкой, но с тем, чтобы он уплатил М. за труды по распашке его земли под посев» [19. С. 54]. При этом фактическая форма землевладения – индивидуальная, подворно-наследственная. Окончание личного пользования пахотными землями или совпадало с прекращением их обработки, или продолжалось в течение известного времени и после забрасывания в залежь. Продолжительность периода личного пользования подвергалась значительным колебаниям по отдельным местностям в зависимости от степени земельного приволя и рельефа местности. Она была длиннее в многоземельных местностях, чем в малоземельных, лесистых в сравнении со степными. С сокращением земельного приволя, уничтожением лесов, повышением роли земледелия срок пользования землей все больше сокращался, и в конце концов пашня становилась свободной для захвата, лишь только хозяин оставлял ее без обработки: «Пока пашешь – ты хозяин, а бросил – земля вольная» [20. С. 226].

Содержание захватного права на первый взгляд совершенно совпадает с содержанием права собственности. Захватив землю, сибирский крестьянин считает себя ее полновластным хозяином, он не допускает никого распахать землю. Для охраны своего права на исключительное владение землей он не останавливается и перед насилием, и перед обращением к авторитету старосты и волостного суда, которые всегда ограждали его права от всякого вторжения. При захватном владении в руках крестьянина фактически сосредоточивались *все три составные права собственности – владение, пользование и распоряжение.*

Н.М. Дружинин писал: «Право верховной собственности на государственную территорию еще не перешло окончательно и бесповоротно в безусловное право казны на обладание земельными угодьями. Такое положение, особенно на черносошных и однодворческих землях, приводило к определенным и очень важным последствиям: оно обусловило большую самостоятельность непосредственных производителей, которые в известных границах являлись свободными распорядителями своих участков» [21. С. 33]. Хотя верховным собственником земли оставалась казна, владельческие права крестьян были необычайно широки, вплоть до права распоряжения.

Как для общины, так и для крестьянина *не существовало отдельно понятий юридической собственности на землю и фактического владения землей, они отождествлялись.* Земельные порядки в Сибири были несколько отличны от Европейской России. Здесь, за ничтожными исключениями, нет частной собственности ни у старожилото населения, ни у переселенцев, ни у казаков, ни у инородцев. Вся земля – либо казенная, либо войсковая, либо кабинетская. Она состоит лишь во владении или пользовании живущих на ней людей. Что касается внутреннего распорядка пользования, земля эта в преобладающем большинстве случаев находится юридически в распоряжении крестьянских, сельских или волостных обществ, казачьих станиц и инородческих аулов. На этих основаниях отводятся постоянные земельные наделы старожилому сибирскому населению, оставляются временно земли в пользовании кочевых инородцев, отмежевываются наделы казачьим станицам и, наконец, предоставляются переселенцам новые участки.

Сибирские крестьяне не становились собственниками наделной земли. Земельные наделы отводились им лишь в пользование на условиях платежа оброчной подати. Земли заселенные, т.е. так или иначе освоенные человеком при помощи его труда или каких-нибудь проявлений его права над ними, в Сибири так же крепки их владельцам, будь то казак, старожил, переселенец или оставивший кочевание отдельный инородец, как если бы они были их юридическими собственниками. От собственников они существенно отличаются только отсутствием права на отчуждение.

При захватном порядке землепользования большая часть земли оказывалась в руках богатых крестьян, в то время как земельные участки малосостоятельных и средних крестьян все более ограничивались. Историки с. Грановского М.В. Загоскин, характеризуя быто-

вавший в нем порядок землепользования, писал: «При существовании еще и ныне захватного пользования землями самые лучшие земли очутились в руках многочисленных семей, тогда как маломочные семьи едва имеют по 2–3 десятины уже истощенной, плохой земли» [22. С. 79]. В условиях многоземелья в Сибири сложилась практика бесконтрольного распоряжения землей со стороны земледельцев. Мир и выборные мало интересовались ее судьбой. В конечном счете в руках отдельных крестьян сосредоточились большие массивы земли [23. С. 158].

С наплывом переселенцев ситуация изменяется, и некогда свободные земли становятся занятыми, тем самым возникает утеснение. Все наиболее удобные земли для пахоты были захвачены и расчищены. Неограниченный захват земли, приводя к крайне неравномерному распределению ее между отдельными домохозяевами, неизбежно порождает у основной массы крестьян стремление к установлению уравнительного начала в землепользовании. На смену захватной форме владения приходит ограниченная захватно-общинная. Эта форма, как и захватная, основана на принципе труда. Однако отличие ее от захватной формы, при которой общинник, вложивший свой труд в землю, приобретает тем самым право владения этой землей, заключается в том, что он имеет право пользоваться землей, пока продолжает на ней трудиться.

Земли же, оставленные в залежь, по истечении некоторого срока, а иногда и сразу, могли быть захвачены любым другим общинником. Ограничение касалось в подавляющей массе случаев лишь сроков пользования, а не размеров земельных участков, которые еще не ограничивались какой-либо нормой. Такого рода ограничение захватного права лишь в некоторой мере ущемляло возможность сосредоточения больших площадей земли в руках богатых крестьян, но не устраняло ее. В таких условиях среди основной массы крестьянства неизбежно зрело стремление к установлению равенства в землепользовании путем введения подушного наделного пользования землей. Исследователь крестьянского хозяйства Тобольской губернии отмечал, что земля здесь еще не переделялась, но неравномерность земельных участков «сильно беспокоит крестьян, они ждут ревизии» (чтобы провести передел земли) [24. С. 24]. Обычно первые поселившиеся крестьяне захватывали ближайшие к усадебной оседлости земли, а остальным новоселам приходилось довольствоваться более отдаленными или менее удобными угодьями. На почве такой неравномерности возникали резкие столкновения между жителями поселков. В результате переселенцы сами приходили к осознанию необходимости перераспределить предоставленные им земли.

Установление равенства земельных наделов, как и вытеснение захватного землепользования, происходило постепенно, путем частичных равнений. Это было первое реальное проявление роли общины, которая начинает диктовать свои права пока только в отношении наиболее важного в крестьянском хозяйстве вида земельных угодий – пашни. Другим, более решительным, вмешательством общины в землепользование

крестьян было установление уравнительных переделов части земель.

С распространением общинно-уравнительного землепользования возросла роль общин как распорядителей земли, а владельческие права отдельных крестьян сократились. Однако поскольку господствующей формой приобретения земли оставался захват свободных земель, крестьяне до конца XIX в. продолжали фактически распоряжаться своими землями вопреки юридическим нормам. Обеспеченная частная собственность и ничем не стесненная свобода распоряжения имуществом представляли наиболее выгодное условие для производительности. Для того чтобы полагать свой труд и сбережения – будь это капитал, будь это навоз – в землю, крестьянин должен был быть уверен, что эта же земля останется за ним, он должен быть обеспечен в своем владении. Между тем частые переделы лишали его этой уверенности. Частые переделы происходили только в тех местностях, где на обработку земли еще не полагается большого труда или где подати несоизмерно велики. В тех местностях, где обработка земли находилась еще на весьма низкой ступени развития, крестьяне большей частью ценили только естественные свойства земли, стараясь распределить это естественное орудие производства, т.е. почву, по возможности равномерно, а потому и переделяли часто земли, чтобы достигнуть большего выравнивания. С другой стороны, в тех местностях, где земля не окупала податных платежей, переверстки и переделы происходили постоянно, потому что каждый крестьянин при всяком удобном случае стремился облегчить лежащую на нем тяготу.

Переход к общинно-уравнительному землевладению происходил медленно и неравномерно. В значительной степени община вытеснила подворно-наследственное землевладение в Тобольской губернии, за исключением Тюкалинского и Тарского округов [19. С. 56]. В Сибирской газете отмечалось, что логическим последствием всякой частной поземельной собственности будет прогрессирующая дробность земли.

В земледельческой полосе Сибири покосы уже почти повсюду переделяются, так же как и лес, где он составляет мирскую собственность. По отношению к пахотной земле пока еще господствующим остается право первого завладения, но крестьяне постепенно уже переходят к великороссийскому типу общинного владения, к переделу земли по душам: переделы, хотя и не часто, отмечаются в Тобольской, Томской, Иркутской губерниях [25. С. 920].

В журнале «Русская беседа», в статье, подписанной псевдонимом «Переселенец», говорилось: «Если бы вы спросили у меня, какая форма землевладения существует у сибирских крестьян, если бы вы именно так поставили вопрос, то я положительно отказался бы на него ответить. Земля в Сибири – земля вольная,

свободная от всех гражданских условий и ограничений. Это первобытное, естественное, неюридическое состояние земли» [26. С. 119].

Рассмотренные формы земельного пользования в Сибири позволяют сделать вывод, что поземельная община выступала здесь как начало формирующееся. Она не сложилась еще не только в отношении своих внутренних черт, но и в отношении своих территориальных границ. Вероятно, раньше общиной как субъектом землепользования являлось каждое отдельное селение, образовавшееся путем соединения близлежащих заимочных угодий в одно целое. По мере возникновения новых селений соседние становились невольными совладельцами таких угодий, к которым не прикладывалось труда (леса, покосы). Таким путем образовывались сложные общины, состоящие из нескольких селений. Проводившееся затем в Сибири межевание с целью выявления наличных земельных угодий и составления на них земельных планов закрепляло сложившиеся территориально общины как единицы землепользования. Такими общинами являлись иногда не только отдельные села, но целые волости и даже соединение двух волостей. Более того, иногда отдельные селения, представляющие самостоятельную общину по пользованию пашней, оказывались в то же время частью общины – волости – в пользовании каким-либо другим видом сельскохозяйственных угодий. Формы землепользования определялись одной основной причиной – населенностью данной местности в сравнении с количеством в ней удобных для сельскохозяйственной культуры земель, и представляли собой разнообразные видоизменения не только в пространстве, но и во времени.

Таким образом, в процессе аграрного освоения Сибири в XVII–XVIII вв. сложились основные земледельческие районы. Отдаленность региона от метрополии, суровые природно-климатические условия, обилие свободных незаселенных земель, привели к формированию особых форм крестьянского землепользования, при которых у крестьян сформировался устойчивый взгляд на владение земельным наделом как своей собственностью. Вложенный труд при создании пашни определял право владения земельным наделом. Представления крестьян о праве собственности на земельный надел не совпадали с взглядом правительственных чиновников, которые посчитали невозможным распространить указ от 24 ноября 1866 г. на территорию Сибири несмотря на то, что работавшая по данному вопросу комиссия барона М.Н. Медема находила это возможным. Необходимость проведения немедленных землеустроительных работ и нежелание учитывать мнение крестьян по вопросам собственности на земельный надел привели к окончательному решению о закреплении земли за государством, что нашло отражение в законе от 23 мая 1896 г.

Список источников

1. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: Рос. полит. энциклопедия, 1998. 573 с.
2. Платонов О.А. Русский труд. М.: Современник, 1991. 335 с.
3. Дорофеев М.В. Адаптация к официальному законодательству обычно-правовых воззрений сибирского крестьянства на владение земельным наделом (начало XX в.) // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI века. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2009. С. 10–13.

4. Лаптева Е.А. Исследования обычного права народов Российской империи в XIX в. // Государство и право. 1997. № 8. С. 101–109.
5. Васильчиков А.В. Землевание и земледелие в России и других европейских государствах. СПб. : тип. М.М. Стасюлевича, 1883. Т. 1.
6. Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2006. 376 с.
7. Полное собрание законов Российской империи. СПб. : тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцеляции, 1863. Т. 36, отд. 1. 1059 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. СПб. : тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцеляции, 1868. Т. 41, отд. 2. 1411 с.
9. Зайончковский П.А. Подготовка и принятие закона 24 ноября 1866 г. о государственных крестьянах // История СССР. 1958. № 4. С. 103–113.
10. Русское обозрение // Сибирская газета. 1882. 31 янв. № 5. С. 114–124.
11. Храмов А.А. Вопрос о праве собственности государства на надельные крестьянские земли при выработке закона 23 мая 1896 года // Актуальные вопросы истории Алтая : межвуз. сб. Барнаул : Изд-во АГУ, 1980. С. 83–103.
12. Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири: по местным исследованиям 1886–1892 гг. М. : Либроком, 2011. 288 с.
13. Балюк Н.А. Крестьянское хозяйство Зауралья в конце XVI – начале XX вв. Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2003. 188 с.
14. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск : Наука, 1967. 412 с.
15. Ядринцев Н.М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ : (по поручению Зап.-Сиб. отд. Имп. Рус. Геогр. общества) // Омск : Зап.-Сиб. отд-ние ИРГО. 1880. Кн. 2. 147 с.
16. Швецов С.П. Сибирь, кто в ней живет и как живет : беседы о сибирских «вольных землях» и переселении на них. СПб. : Ш. Буссель н-ки, 1909. 64 с.
17. Филимонов Е.С. Формы волостного землевладения в северо-западной Барабе // Материалы по вопросу об эволюции землевладения. Пермь : типо-лит. Гених, 1895. Вып. 1. 62 с.
18. Кауфман А.А. Очерк крестьянского хозяйства в Сибири. Томск : П.И. Макушин, 1984. 63 с.
19. Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1986. 263 с.
20. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб. : Тип. Я.И. Либермана, 1891. Вып. 18. 398 с.
21. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформы П.Д. Киселева. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1946. Т. 1. 631 с.
22. Загоскин М.В. Одна из сибирских общин (селение Грановское) // Памятная книжка Иркутской губернии на 1891 г. Иркутск, 1891. 92 с.
23. Мамсик Т.С. Общинное самоуправление и взгляд крестьян на «мирскую» должность (по материалам приписной деревни Западной Сибири второй половины XVIII в.) // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX вв. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1977. С. 151–178.
24. Петропаловский И. По Ишиму и Тоболу. Омск, 1886. Кн. VIII, вып. I. (Записки Западносибирского отдела Императорского русского географического общества).
25. Общинное землевладение // Сибирская газета № 36. 1885. С. 917–923.
26. Переселенец. О землевладении в Сибири // Русская беседа. 1860. № 1.

References

1. Milov, L.V. (1998) *Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russian plowman and the features of the Russian historical process]. Moscow: ROSSPEN.
2. Platonov, O.A. (1991) *Russkiy trud* [Russian labor]. Moscow: Sovremennik.
3. Dorofeev, M.V. (2009) *Adaptatsiya k ofitsial'nomu zakonodatel'stvu obychno-pravovykh vozzreniy sibirskogo krest'yanstva na vladenie zemel'nym nadelom (nachalo XX v.)* [Adaptation to the official legislation of the customary legal views of the Siberian peasantry on the ownership of a land plot (the beginning of the 20th century)]. In: *Problemy agrarnogo i demograficheskogo razvitiya Sibiri v XX – nachale XXI veka* [Problems of agrarian and demographic development of Siberia in the 20th – early 21st centuries]. Novosibirsk: Institute of History SB RAS. pp. 10–13.
4. Lapteva, E.A. (1997) *Issledovaniya obychnogo prava narodov Rossiyskoy imperii v XIX v.* [The studies of customary law of the peoples of the Russian Empire in the 19th century]. *Gosudarstvo i pravo*. 8. pp. 101–109.
5. Vasilchikov, A.V. (1883) *Zemlevladieniye i zemledeliye v Rossii i drugikh evropeyskikh gosudarstvakh* [Land ownership and agriculture in Russia and other European countries]. Vol. 1. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
6. Churkin, M.K. (2006) *Pereseleniya krest'yan chernozemnogo tsentra Evropeyskoy Rossii v Zapadnyuyu Sibir' vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.: determiniruyushchie faktory migratsionnoy mobil'nosti i adaptatsii* [Resettlement of Peasants from the Black Earth Center of European Russia to Western Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Determining Factors of Migration Mobility and Adaptation]. Омск: ОмSPU.
7. Russia. (1863) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 36(1). St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
8. Russia. (1868) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 41(2). St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
9. Zayonchkovskiy, P.A. (1958) *Podgotovka i prinyatie zakona 24 noyabrya 1866 g. o gosudarstvennykh krest'yanakh* [Preparation and adoption of the law on state peasants on November 24, 1866]. *Istoriya SSSR*. 4. pp. 103–113.
10. *Sibirskaya gazeta*. (1882) *Russkoe obozreniye* [Russian review]. 31st January. pp. 114–124.
11. Khramkov, A.A. (1980) *Vopros o prave sobstvennosti gosudarstva na nadel'nye krest'yanskie zemli pri vyrabotke zakona 23 maya 1896 goda* [The issue of state ownership of allotment peasant lands during the development of the law on May 23, 1896]. In: *Aktual'nye voprosy istorii Altaya* [Topical issues of the history of Altai]. Barnaul: Altai State University. pp. 83–103.
12. Kaufman, A.A. (2011) *Krest'yanskaya obshchina v Sibiri: po mestnym issledovaniyam 1886–1892 gg.* [Peasant community in Siberia: According to local research 1886–1892]. Moscow: Librokom.
13. Balyuk, N.A. (2003) *Krest'yanskoe khozyaystvo Zaural'ya v kontse XVI – nachale XX vv.* [Peasant economy of the Trans-Urals in the late 16th – early 20th centuries]. Tyumen: Tyumen State University.
14. Goryushkin, L.M. (1967) *Sibirskoe krest'yanstvo na rubezhe dvukh vekov* [Siberian peasantry at the turn of two centuries]. Novosibirsk: Nauka.
15. Yadrincev, N.M. (1880) *Poezdka po Zapadnoy Sibiri i v Gornyy Altayskiy okrug: (po porucheniyu Zap.-Sib. otd. Imp. Rus. Geogr. obshchestva)* [A trip to Western Siberia and the Altai Mountain District: (on behalf of the Western-Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society)]. Vol. 2. Омск: Western-Siberian Department of the IRGS.
16. Shvetsov, S.P. (1909) *Sibir', kto v ney zhivet i kak zhivet: besedy o sibirskikh "vol'nykh zemlyakh" i pereselenii na nikh* [Siberia, its residents and how they live: Conversations about the Siberian "free lands" and resettlement to them]. St. Petersburg: Sh. Bussel' n-ki.
17. Filimonov, E.S. (1895) *Formy volostnogo zemlevladieniya v severo-zapadnoy Barabe* [Forms of volost land tenure in the northwestern Baraba]. In: *Materialy po voprosu ob evolyutsii zemlevladieniya* [Materials on the issue of the evolution of land tenure]. Vol. 1. Perm: tipo-lit. Gennikh.
18. Kaufman, A.A. (1984) *Ocherk krest'yanskogo khozyaystva v Sibiri* [An essay on peasant economy in Siberia]. Томск: П.И. Макушин.
19. Khudyakov, V.N. (1986) *Agrarnaya politika tsarizma v Sibiri v poreformennyi period* [Agrarian policy of tsarism in Siberia in the post-reform period]. Томск: Tomsk State University.
20. Anon. (1891) *Materialy dli izucheniya ekonomicheskogo byta gosudarstvennykh krest'yan i inorodtsev Zapadnoy Sibiri* [Materials for studying the economic life of state peasants and foreigners in Western Siberia]. Vol. 18. St. Petersburg: Tip. Ya.I. Libermana.

21. Druzhinin, N.M. (1946) *Gosudarstvennyye krest'yanе i reformy P.D. Kiseleva* [State peasants and P.D. Kiselev's reforms]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
22. Zagoskin, M.V. (1891) *Oдна iz sibirskikh obshchin (selenie Granovskoe)* [One of the Siberian communities (Granovskoye village)]. In: *Pamyatnaya knizhka Irkutskoy gubernii na 1891 g.* [Memorial book of the Irkutsk province for 1891]. Irkutsk: [s.n.].
23. Mamsik, T.S. (1977) *Obshchinnoe samoupravlenie i vzglyad krest'yan na "mirskuyu" dolzhnost' (po materialam pripisnoy derevni Zapadnoy Sibiri vtoroy poloviny XVIII v.)* [Communal self-government and the peasants' view of the "worldly" position (based on materials from the ascribed village of Western Siberia in the second half of the 18th century)]. In: *Krest'yanskaya obshchina v Sibiri XVII – nachala XX vv.* [Peasant community in Siberia in the 17th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Nauka. pp. 151–178.
24. Petropalovskiy, I. (1886) *Po Ishimu i Tobolu* [Along the Ishim and Tobol]. Vol. 3(1). Omsk: [s.n.].
25. *Sibirskaya gazeta*. (1885) *Obshchinnoe zemlevladienie* [Communal land ownership]. 36. pp. 917–923.
26. *Russkaya beseda*. (1860) *Pereselenets. O zemlevladienii v Sibiri* [The settler. On land ownership in Siberia]. 1.

Сведения об авторе:

Семиколонов Максим Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики и управления Новокузнецкого филиала Кузбасского государственного технического университета им. Т.Ф. Горбачева (Новокузнецк, Россия). E-mail: semikolenov.maksim@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Semikolenov Maksim V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management of the Novokuznetsk Branch of the T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: semikolenov.maksim@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.11.2020; принята к публикации 09.01.2023

The article was submitted 25.11.2020; accepted for publication 09.01.2023